

ОБ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЙ ПРИРОДЕ СОВРЕМЕННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРАКТИК

Максутова Р. Р., Скопинцева Т.Ю.

ФГБОУ ВПО «Оренбургский государственный университет», г. Оренбург

Каждое явление российской современности обращает нас к глубинам истории. Любое решение социальных проблем указывает на её культуру, проявляющуюся в разнообразии обыденных и необычных (официальных, эстетизированных или «сниженных»?) форм. Мощь и многообразие проявлений повседневной культуры обладает способностью оставаться за рамками преобразовательной политики. Это происходит, несмотря на использование силовой практики всегда действующей разрушительно на сложившуюся традицию. Историческая память сохраняет образы подобной практики.

В число труднодоступных для различных преобразовательских акций форм входит повседневный мир семьи. Сама силовая форма решения государственных проблем (не опирающиеся на существующие, закреплённые в традиции и в семейной практике ценности) характеризует кризисные (переходные) ситуации в культуре. В нашей культуре такие силовые формы походились в виде некоего «социокультурного проекта». В этом направлении можно отметить внутренний механизм оформления идеального конструкта «мужицкой» культуры. Он реализовался в образах и смыслах Беловодья, в моделировании образцового домостроительства; и «лучшего в мире» государства-суперсемьи, «наш новый мир социализма». Практики подобной идеализации мы видим в формах внешнего насилия, корректирующего поведение нарушителей государственных устоев на «идеальных» плацдармах воспитательных лагерей. Практики идеализации отмечают русскую культуру, начиная со времени её вхождения в европейский мир, в них была реализована русская дворянская культура. Это *маркер* культурного пути России, присутствующий в истории и снижающий статус традиционного пути и семейной культуры. Эти практики перенаправляли устремления человека на нетрадиционные цели, «более высокие», в том числе государственно одобренные. Процесс переориентации устремлений человека живет в российской истории во времени и в социокультурном пространстве современной России: он, как и в имперской или советской истории отсылает нас от традиции в «европейский рай».

Сохранение традиции в телесных и повседневных практиках происходит в семейной культуре. Можно выделить особенность генезиса российской семьи и связать специфику оформления семейной культуры с особенностями историко-культурной динамики российского государства. Во-первых, с дискретностью российской культуры, отмеченную Н.Бердяевым; во вторых – определенную изоляцию, органическую защищенность семьи от государственного вмешательства, благодаря которой, при всех тяготах, лежащих на семейную культуру она сохраняла качества сформированные в её исходной, природной форме.

Кризис общекультурных ценностей, которым завершалась каждая культурная эпоха, безусловно, отражался на семейном укладе. Культурные трансформации семьи в эти периоды смягчались труднодоступностью для активного вмешательства, размахом российских пространств (ширью), а также российской привычкой к не исполнению установлений продиктованных государством нашедшей выражение в неторопливом «авось, да, небось». В период кризисов и потрясений традиционный устой сохранялся в глубинных (далеких от центра) селах, которые представляли большую часть Руси и России.

Современная оценка исторического опыта постоянно обращается к средневековой «патриархальной» модели. По сложившейся в истории привычке к идеализации, её используют для моделирования современного семейного поведения, и хоть «Золушки» под эту «туфельку» не находится, это не смущает современных реформаторов. Обратившись к истории, мы можем выявить развитие этой культурной формы семьи, не самой древней и не самой устойчивой.

«Патриархальный» тип семейных отношений сложился с формированием государственной культуры московского типа, в период, который характеризуется в русской истории как средневековье. Основная характеристика средневековой культуры – её универсальность. Подобная форма связана с универсальным представлением о мироздании, и противостоит бинарным, (христианизированным, но *слитым* с язычеством, *диглосным*, по определению Б.Успенского) *до-московскому* представлению о мире. Мощь язычества, господствовавшая в русской культуре, деревенской по преимуществу, определила семейное поведение. Языческая парадигма характеризовалась достаточной степенью эгалитарности. О взаимоотношениях в семье Руси домосковского периода рассказывают пришедшие из той эпохи тексты: сказочные и мифологизированные повествования. Они говорят о высоком статусе женщины, паритетности ролей супругов и значительной свободе детей. Все подобные образцы семейного поведения можно найти в детальном анализе русской сказки В.Я.Проппом. Народные художественные тексты, сохранившие образцы отношения в семье, характерные для культуры последующих эпох также не показывают той жесткости, которая обозначена в тексте Домостроя.

Как правило, все попытки опереться на средневековую практику, ограничиться этим «узким», неполным планом рассмотрения семейных практик заканчиваются успехом. Вне исторического многообразия повседневных практик обращение русской философии к **всеобщим** темам способным интегрировать многообразие проявлений «русской» и «российской» специфики содержания, не дает возможности выйти за пределы *идеальности*, *виртуальности* социокультурных проектов изменения России. «Молодость» русской культуры обращала на себя внимание исследователя в концептах «великого будущего», «четырёхосновности», «мессианства». Эти и подобные конструкты не были реализованы в жизненных практиках повседневности...

На этой основе складывались многочисленные социо-культурные проекты, конституировались направления преобразовательной политики: так поступали

правители имперской России, России Советской, и, политические лидеры постсоветского периода. Доминирование всеобщности оставляло за рамками прагматики те сферы бытия, которые характеризовались человеческой субъективностью. Эти сферы жизни кумулировали знаки и смыслы культуры. Их дистанцирование от внешних, официально обозначенных в социокультурных проектах форм культуры, их субъективность концентрировалась вокруг традиционных доминант с женским образом в центре. Женское начало культурного, повседневного пласта русской культуры было настолько мощным, что его не мог не заметить взгляд философа. Оно обращало человека к жизнеобеспеченности архаики, к её способности «поглощать» неустроенность и «примирять непримиримое». Это выразилось в её «женском лице», великом «долготерпении» и «смирении» характеризующим русский народ. Эти же причины позволяют сохранять российский тип мифологизации повседневности, в которой определяющими являются супер-образы вечности, причастность каждого к космогонии. Включенность каждого человека в мир Божий – основа русского космизма. Причастность мирозданию – основа мировоззрения россиянина сегодня. Несправедливость земного мира преодолевается по традиции, архаически – в уповании на Божье воздаяние за зло. Человеческий неустроенный мир – ветхий, бренный. Он противостоит Божьей гармонии. Его ветхость и неустроенность преодолевается с трудом. Даже выверенные и хорошо оснащенные социокультурные проекты разрушаются на уровне мировоззрения россиян-обывателей и правителей. Всеобщность подхода, невозможная в субъективности индивида, решается в мифологии. Так, мифологическое повествование новой маскулинного типа культуры когда-то показал образ «рожающего» Зевса. Сегодня российская повседневность показывает нам как проблемы нашей демографической политики, субъектом которой является рожающая женщина, обсуждают давно забывшие детство своих детей а возможно, и не знавшие радость ребёнка «первенца» мужчины-политики. Фантасмогории Гоголя и Салтыкова-Щедрина сегодня реализуются на уровне культурных парадигм.

Однако, народной культуре не чужды виртуальные тексты. Жизнь культуры это жизнь образов и представлений. Парады смыслов в народных празднествах взывают к «пиру чувств». Здоровье культуры оформляется в праздничном разнообразии мира – логической оппозиции обыденности. Мир праздника – это виртуальность, нереальность, противоположность обыденности. Народный праздник *раскрывает* свои знаки (маркеры) и в обыденном культурном пространстве, оформляет традиционную мифологию. Закрепленная в плоти и крови обыденности мифологическая, образная форма позволяет достраивать полноту и разнообразие жизни по своему образу, на основе своих чувственных представлений. В такой конструкции детализация всегда присутствует с избытком. Собственная *палитра* чувств индивида позволяет каждому воспользоваться всей полнотой её красок. Сказка насыщает повседневность, воспроизводится в прагматических действиях обеспечивающих жизнь человеческой телесности. Миф проступает в каждом «шаге» традиции. Жизнь традиционного мира соединена с чувственностью,

эмоциональность значима и разнообразна. «Женская» суть традиционности раскрывает всю гамму чувств, все эмоциональные регистры, свойственные женской культуре. Они необходимы для воспитания ребёнка – а воспитательные задачи – ключевые в традиционном мире. Продолжение рода и его достойное воплощение – это культурный максимум родовой традиции.

Предельная насыщенность метафизикой, высокий статус мифологизации обнаруживает себя в сфере сакрального. Эта область имеет «высокую концентрацию» чувственно-смысловых компонентов. Минимизация метафизической «оснастки» культуры, победа дворцов над храмами, может привести к гибели культуры традиционного типа. Это понял О. Шпенглер в своих ощущениях заката Европы. Крушение высокоразвитой и технически обрамленной культурной формы, её замена формой менее оснащенной прагматичными и высокотехничными артефактами, но насыщенной метафизикой и способной её воспринимать, показала нам история. Так создавалась бесписьменная культура греков, воспользовавшаяся микенской мифологией, на этом пути милитаризованность культур Рима и Ассирии привели их к упадку и обозначили эпоху рождению новых типов мифологизации – появлению мира христианизированной Европы и исламизированного Востока...

Однако все не так просто и многообразная и развитая мифология, насыщающая традиционность для сохранения своеобразия вырабатывает компоненты, поддерживающие социальное единство, «цивилизующие» культуру. Эти компоненты, как правило, силовые. Мифология силы не обладает общечеловеческими характеристиками – она хороша для воина и не пригодна для беременной женщины и ребёнка. Традиционная архаическая культура, ставящая в центр продолжение рода, плодовитость женщины и способность сохранить многочисленное потомство, в истории уступила менее эмоционально насыщенным мифологемам силы. Недостаток эмоционального наполнителя в этих системах стал подкрепляться идеей. Сложную и, в то же время периодически повторяемую во ремени социокультурную динамику таких перемен отследили в своих парадигмах Ж.Б.Вико и О. Конт. П. Сорокин в своей концепции рассмотрел феномен культуры в развитии и оформлении чувства или идеи. В современном мире чувственный «наполнитель» кинодрамы делает зрителя частью этого «виртуального» кино-мира. Мифология насыщена чувством. Лишенные чувств мы оказываемся вне самой культуры. Сознательное отрешение от чувств это виртуальный «уход» из жизни. Такое действие становится оправданным, когда чувственное многообразие перезаполняет жизненное пространство. Пульсирующий жизненными токами традиции мир чувств сменяет строгий мир абсолютных форм. Путь к мифу абсолюта в плоти и крови традиции: нельзя прочувствовать всё многообразие мира!

Несмотря на рассуждения о неполноте, проблемности обыденного мира российской культуры – когда отрешиться от повседневности «не может даже гений» (о.П.Флоренский) в ней наиболее полно проявляются сущностные характеристики российской культуры в целом. В повседневности оформилось и

сохраняется специфическое российское мировидение наполненное архетипами. В них воссоздается причастность каждого к миру, и взаимосвязанность социального и природного начал. Такое мироощущение при нарушении гармонии человека и мира – при социальных и культурных катаклизмах, пробуждает чувство разрушенной целостности и ожидание её возрождения, которые вызывают к мысли о неотвратимости наказания для тех, кто целостность разрушил. Потенциал архаики это не только наше отличие от западного мира, это возможность активности и продуктивности модификаций. Это отмечали представители историко – культурной школы в своих оценках российской культуры: Н. Данилевский и О. Шпенглер. В нашей истории такая продуктивность проявилась в оформлении маргинальных культурных миров и субкультур, которые, пользуясь этим потенциалом, сохраняли дополнительный заряд жизнеобеспеченности. Именно этот заряд помог оформиться уголовной субкультуре, на нем выжило советское подпольное предпринимательство, им подпитывалась культура андеграунда, и та самая культура кухни, которая помогла крушению колосса СССР.

Основа народной традиции, её ведущая характеристика – связь природного, и не природного основания человеческой сущности. Эта связь сложилась в глубокой архаике и сохранялась в истории в свойственных традиции формах, смыслах, способах. Традиционность проявляется и в том, что специфика темпоральности¹ российской культуры её исследователями чаще соотносится с живой природой, в не с культурными (историческими) вызовами. «Русскость» и как более широкое понятие – «российскость»², корениться в традиционном, включенном в природность мироощущении и мирочувствовании. Её сущность выражена в причастности к целостности, сохраняющей жизнь *своих*, (близких), всех, кто определяется как «мы». Это обеспечивает основу российской корпоративности, (её коммунальность, коммунитарность). Традиционность предполагает незначительность всего происходящего «не с нами», и организует полноту «нашей» жизни. Невнимание к *своему* жизненному полю в традиционности расценивается как неадекватность. Внимание к отдельному человеку в таком подходе, оказывается минимизированным, и всегда уступает коллективности *своего* (нашего) смысла, способа, формы. Такая парадигма отмечена в тексте Ветхого Завета: «Человек есть ложь». Невнимание к человеку, универсальный пласт современной культуры власти. Преодолеть его необычайно трудно. На этой парадигме складывается большая часть современных преобразовательных практик, складных и завершенных на бумаге и трудно входящих в жизнь. Политик и идеолог современной России не принадлежит «своему» миру повседневности, его универсальный проект остается в области виртуальных форм. Исследование практики – сложная задача современной науки.

¹ Специфики соотношения культурного, социального, природного времени.

² А это родственные понятия, вспомним, что долгое проживание в русле российской культуры дает ощущение «русскости», с которым уезжают на историческую родину многие россияне.